

Надежда Гусева
Мир P: Duas
Dimensiones

12+

Надежда Валентиновна Гусева

Мир P: Duas Dimensioes

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39479580

SelfPub; 2018

Аннотация

А что если всё, что человек нарисовал, является частью целого мира? Талантливый мальчик в этом не сомневается. Пройдут годы, и он узнает, что в этом мире могут быть ловушки...

Содержание

Мир P: Duas Dimensiones	5
1	5
2	11
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0

Мир Р: Duas Dimensiones

1

В коридоре было тихо, прохладно и пахло свежей краской. Тёплый сквозняк катал по полу шевелящиеся комья тополиного пуха. Кусты за окном покачивались, пропуская полуденный свет – на потёртом линолеуме он превращался в ленивых солнечных зайчиков.

Родя посмотрел на зайчиков, посмотрел на лимонную стену, поковырял болячку на коленке, вздохнул и слез со стула. Ему было скучно. Хотелось во двор, в сквер или хотя бы в свою комнату – в любое место, где можно хоть как-то себя занять.

Стараясь не слишком топтать ногами, он дошёл до окна, попытался заглянуть в него, но не достал до подоконника. Тогда он постарался залезть по батарее, но сорвался и оцарапал ногу – он был довольно круглый и неуклюжий мальчик. Стало совсем грустно. На секунду голову озарила счастливая мысль – а ну как потихоньку выйти и походить в незнакомом дворе? Раз уж мама не взяла карандашей... Нет. Мама расстроится.

Родя снова вздохнул и побрёл по пустому коридору в ту сторону, откуда раздавались приглушённые голоса. Хоть ка-

кое-то развлечение.

– ...ничего страшного, ему всего пять лет, в это время многое дети совсем не...

Шорох. Упала сумочка. И мама – надрывно, громким шёпотом.

– Но он-то рисует! И ещё как! Вот... и вот... видите?

– Да...

– Вот! Я же...

– Действительно, интересные рисунки... Ходит в студию?

– Нет! Он сам, понимаете?

– Вот этот зверь...

– Тигр.

– Да. А это – динозавр. С ума сойти, будто смотрят с бумаги... Почему вы мне раньше не показали?

Мама завозилась. Родя знал – она не очень-то любит показывать *эти* его рисунки. Всякие домики, экскаваторы и деревья – да, сколько угодно. Но животные... Родя их и сам не любил показывать. Он рисовал их, потом убирал в коробку, а коробку засовывал под диван.

И только иногда, очень редко, в особо тёплые вечера, когда на кухне пахло пирогом, а мама смеялась, а папа что-то рассказывал...

– Слушай, Родьк, может, покажешь, а?

– Уу.

– Да ладно тебе... давай.

И они смотрели, медленно перебирая. И всё затихало. И

мама поджимала ноги и делалась похожей на девочку. А у папы смешно приоткрывался рот.

Фиолетовый кот подмигивал хитрым жёлтым глазом, гуашевые волки угрюмо бежали по голубому снегу, а толстые цветные птицы покачивались на алых ветвях и мудро кивали маленькими головками...

И тогда им было... близко и уютно.

А теперь мама принесла коробку сюда.

Он рисовал, сколько себя помнил. Вернее, помнил себя – с тех пор, как начал рисовать. Он был странный мальчик – толстый, малоподвижный и нелюдимый. Он не умел дружить, мало говорил и никогда не шумел. Везде, где бы он ни появлялся, он садился в уголок и распаковывал пенальчик с фломастерами и карандашами. Дети не стремились с ним играть, но и не обижали.

Он очень долго не разговаривал. Мама заглядывала ему в лицо, потом наклонялась, раскрывала книжку и, водя пальцем по странице, снова с надеждой заглядывала в него, как в иллюминатор.

– Вот посмотри – ко-ров-ка. Как коровка говорит?

Родя молчал.

– Муу. Ведь правда – Му?

Родя обречённо кивал.

– А это кто у нас? Кооотик! А как говорит котик?

Роде было стыдно за маму. Он вздыхал, отворачивался и вытаскивал карандаши.

А однажды, после очередного коридора, после очередного ожидания, от какого-то очередного пахнущего аптекой человека прозвучало слово, которое будто больно ударило маму. Аутист. Родя запомнил.

В тот день мама молчала всю дорогу домой, а он смотрел сквозь стёкла автобуса на дождевые подтёки и думал, что дома нарисует павлина.

– Но это... я не знаю, право... для пяти лет...

– Теперь вы понимаете, про что я говорю?

– Я... да... действительно. Но, может быть, он просто не хочет?

– Он не может.

– Он сам так сказал?

– Да. Он боится.

Молчание. Шорох сумочки. Родя сполз на пол и снова принялся ковырять болячку. Он забеспокоился. Всё это слишком походило на то, как мама пыталась учить его говорить. И ему не нравилось, что чужой человек смотрит *его* зверей.

Первым он нарисовал Солнце. Он наслаждался им. Он прикусил язык, затаил дыхание и старательно вывел круг. Жёлтая краска пахла. Это были медовые краски, безопасные для детей. Он вёл по бумаге мокрым липким пальцем и жил в это время только цветом – пронзительным пахучим цветом, жирной линией, мокрым пятном посередине.

Все слова исчезли. Исчезла мама. Исчез дом и весь мир.

Был жёлтый круг, и он заполнялся, сияя, захватывая, вытесняя воздух и мысли.

Были потом и другие Солнца. Но это... это было началом.

Родя ещё нетвёрдо стоял на ногах и не умел пользоваться ложкой, но первое Солнце врезалось в его мозг и раз и навсегда загнало его жизнь в рельсы пронзительных жёлтых лучей.

Жёлтые круги он рисовал долго.

Другие краски были не интересны.

Но однажды (он и это помнил) палец осторожно залез в густое и чёрное, тягучее. И Родя испуганно замер. Ибо внизу на бумаге медленно вырастала тёмная полоса. Под жёлтым кругом. Жирно-чёрное и пронзительно жёлтое. Другой запах.

Потом лужица от прямого луча сползла вниз и свершилось чудо – на глазах у Роди, без его уже ведома, нежно и неуловимо смешалось разделённое и непохожее.

Потом было море. Впервые увиденное и впервые нарисованное. Зеленъ и золото, синий и голубой, капля густых чернил. И счастье – смешивать.

Толстый Родя неуклюже тыкал пяткой в воду и передумывал плескаться – было холодно. Мама и папа угрюмо сидели на берегу, прижав камнем надутый круг.

– Мама, краски!

– Возьми карандаши.

Что ж, карандаши... хоть что-то. Много мелких штриш-

ков – поверх друг-друга, многослойное нагромождение, долго, до самого ужина...

– Господи. Ему хоть что-нибудь интересно?

С тех пор Родю уже ничего не интересовало. Только краски и карандаши. Это потом он откроет, что есть ещё фломастеры, шариковые ручки, мел, уголь, кусок кирпича, грязь из лужи и просто запотевшее стекло, по которому можно водить пальцем. Но сначала – только краски. И краски были – жизнь.

А дети играли. Дети ломали игрушки и неумело лепили снежки, они дрались и капризничали, ласкались и не слушались.

Родя был послушный мальчик. С ним не было проблем. Кроме одной. Приговор, прозвучавший в безликом кабинете и подкосивший маму надолго. Аутист.

– А вы пробовали научить?

– Бесполезно.

Молчание. Шорох бумаги.

– Мм... видите ли... я не вижу проблемы в рисунках. Знаете, вообще по детским рисункам можно составить психологический портрет. А тут... скорее, он просто слишком талантлив для своего возраста. Но вот общение...

– Да-да!

Снова шорох. Родя понял – он смотрит на тигра. Он и сам любил смотреть на него. Это уж было выше его сил. Он поднялся с пола и открыл дверь.

– Мама.

– Родя, я же сказала – подожди.

Человек сидел в кресле. Он был высокий и худой, похожий на сухое дерево. Мелкие серые волосы облепляли вытянутую голову. На узком носу нависали тяжёлые очки в коричневой оправе.

– Родя, поздоровайся. Это Иван Саввич. Он доктор.

Снова стало стыдно за маму. Как та корова – муу.

– Здравствуйте, – сказал Родя.

А потом подошёл и аккуратно спрятал в коробку свои рисунки.

Иван Саввич сидел на узком стуле. Родя утонул в кресле.

Они смотрели друг на друга – один-изучающе, другой – сердито. Мама вышла. За окном солнечный свет путался в шевелящихся листьях.

– Когда я был маленьким, я тоже любил рисовать.

Родя вздохнул. Начинается.

– Я и сейчас люблю. Давай порисуем вместе.

Иван Саввич достал карандаши и разложил бумагу. Родя ещё больше насупился. Знал он эти штуки.

– Только чур уговор – людей рисую я. – игриво сказал Иван Саввич. – А уж ты всё остальное. Деревья там, дома... в этом ты мастер.

Родя в тоске посмотрел на дверь. Хотелось домой.

– Этого мальчика зовут... ну, скажем Вова. Так... глаза, нос. Вот такой Вова. Чего ж ты не смотришь? А впрочем, не интересно – не смотри. Только Вову жаль – маленький, такой одинокий – ни домика, ни собаки. Ну, что ж. Пусть Вова останется один.

– Нет.

Маленький Вова притаился в уголке листа – руки в растопырку, уши в стороны.

– Нет. Я нарисую собаку.

– Собаку? А она не страшная?

– Это будет такса – они маленькие... И ещё кота. И ёлку, нет пальму.

– А домик?

– Домик будет красный. Сейчас дорисую кота...

– А Вова будет жить один?

– Нет, с мамой и папой.

– Нарисуешь их?

Родя едва не попался на удочку. Ага.

– Нет, ты... вы сами.

Но Иван Саввич горестно вздохнул.

– Боюсь, у меня не получится. Видишь ли, я тебе не сказал. Я человек пожилой, а у нас, стариков, что-нибудь да болит. И вот руки... каждый день...о...

Родя недоверчиво уставился на ещё недавно такого бодро-го Ивана Саввича. Но тот так страдальчески закатывал глаза, что Родя подумал, что ему можно верить.

Потом глянул на Вову. У того тоже был несчастный вид.

– Давай-ка сделаем так. – слабым голосом сказал Иван Саввич. – Ты возьмёшь рисунок с собой. Кто, знает, может у тебя получится нарисовать друга для Вовы. А то вдруг ему станет страшно ночью.

Родя весь напрягся. Уж он-то знал – что изображено на бумаге – то взаправду, и страх маленького Вовы, его нарисованное одиночество, мигом заполнили его голову.

3

По пути домой он всё думал – как.

Как? Ведь одно дело – рисовать горы и реки. Дуб можно нарисовать. Дом. Самолёт. Петуха, слона или мартышку – да, куда сложнее, но тоже можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.